

Внутри «картины из шелка цзяо» они находились на грани жизни и смерти, так что времени думать о чем-то еще попросту не оставалось. Когда они вернулись к морю Байша, вокруг снова поднялся шум и суета: та же толпа людей, та же куча дел, и никакой возможности побыть наедине. Теперь же, когда наконец выдалась свободная минутка, за окном светила луна и дул легкий ветерок, в комнате горели красные свечи, а возлюбленный умывался за ширмой — как тут было не предаться фривольным мыслям? Вскоре мысли юноши унеслись на самые далекие небеса, да так далеко и сладостно, что их не повернули бы назад и восемь лошадей.

— Се Жэнь, Се Жэнь, Се Жэнь! — спустя неизвестно сколько времени Фэн Цяньсюэ вдруг потянул его за щеку. — В тебя что, бес вселился?

Младший господин Се мгновенно опомнился и виновато вскочил, точно застигнутый на месте преступления:

— А?

— Я звал тебя раз семь или восемь, — сказал Фэн Цяньсюэ. — О чем ты думаешь?

«О тебе думал». Се Жэнь прокашлялся:

— Ни о чем... Помочь тебе вытереть волосы?

Фэн Цяньсюэ качнул головой:

— Иди сам умывайся, я устал.

— Э-э... ладно. — Се Жэнь тоскливо смотрел, как его возлюбленный буквально отплывает от него в сторону кровати, и ему ничего не оставалось, кроме как временно проглотить всё, что вертелось на языке. Даже погрузившись в теплую воду бадьи, он продолжал недоумевать: ведь в этом не было никакого смысла! Это же его зацеловали, так почему он должен чувствовать себя виноватым, а не требовать объяснений с гордо поднятой головой?

Но следом он тут же вспомнил марионеток и ту самую фразу: «Моя женушка».

Вся его спесь мгновенно испарилась, и он снова уныло откинулся на край бадьи. Ладно, придется признать: это он первым возымел дурные намерения.

Фэн Цяньсюэ в одиночестве сидел за столом. Выпив две пиалы чая, он только потом осознал, что пиала была той самой, из которой недавно пил Се Жэнь. Рассеянно разматывая бинты на запястье, он бросил взгляд на всё ещё сочившийся кровью порез, а затем — на туманный силуэт за ширмой, не подававший никаких признаков жизни, словно собравшийся мыться до самого утра. Сжав зубы, он посыпал рану целебным порошком.

Вспыхнула острая боль.

— ...Се Жэнь.

— Что случилось?!

Се Жэнь наспех накинул одежду и выскочил из-за ширмы. Увидев раскатившиеся по столу пузырьки с лекарствами, он поспешно притянул его руку к себе:

— Дай посмотрю! Боль причинил?

Фэн Цяньсюэ слегка отвел взгляд:

— Угу.

— Давай я, — Се Жэнь взял баночку со снадобьем и понюхал. — У тебя тут холодный хрусталь. Средство хоть и редкое, да для простых царапин ни к чему терпеть такую боль. Мое снадобье подойдет лучше.

Фэн Цяньсюэ сидел под светом лампы не шевелясь, позволяя ему обрабатывать рану. Се Жэнь выскочил в спешке: верхняя одежда едва наброшена, мокрые волосы лишь небрежно подвязаны. Сквозь распахнутый воротник проглядывал рельеф живота, а с кончиков волос непрерывно стекали капли воды, скользя по телу и теряясь где-то у пояса.

— ...

Се Жэнь сдул остатки порошка и аккуратно затянул бинт:

— Завтра вечером сменишь на новый, за три-пять дней всё заживет. А рану на плече надо по...
— Говоря это, он поднял голову и вдруг замер при виде покрасневшей мочки уха и шеи Фэн Цяньсюэ... Обомлел ли он от неожиданности или от восхищения — так или иначе, тот был невероятно бел, а сквозь белизну проступал нежный румянец, словно лепестки вишни на снегу. К тому же от него исходил тонкий аромат... Словом, юноша с пылающим в груди огнем не мог выдержать такого зрелища.

Фэн Цяньсюэ сказал:

— Я сам.

Се Жэнь послушно подал снадобье и бинты:

— Переберешься на кровать? Там удобнее.

Фэн Цяньсюэ качнул головой. Он спустил одежду с одного плеча, взял пузырек, собираясь нанести лекарство, но лишь нахмурился от боли. Се Жэнь не выдержал, заново забрал бинты и быстро, без лишних слов перевязал плечо, а затем помог оправить одежду:

— Готово.

Красная свеча на столе догорела почти до основания. Ее длинный фитиль отбрасывал тонкое вытянутое пламя. Сквозь щель в окне проникали легкие порывы ветра, заставляя отсветы и тени в комнате трепетать и дрожать.

Фэн Цяньсюэ поднялся, собираясь, судя по всему, лечь отдыхать. На этот раз тело Се Жэня сработало быстрее разума: он схватил его за руку и выпалил:

— А-Сюэ!

— М-м?

— Ты... ну... когда твое духовное сознание вошло в марионеток, ты слышал, что я им говорил?

— Какую именно фразу?

— ...

Се Жэнь решился и притянул его к себе:

— Я не молот чушь. Ты мне правда нравишься.

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Я знаю.

— А я тебе нравлюсь?

— Нет.

— Но ты же меня поцеловал!

— Не было такого.

— Эй, ну что за человек! Как можно поцеловать и отнекиваться?! — Се Жэнь принялся нагло упрямиться и навалился на него всем весом, но вовремя вспомнил про раненое плечо и в последний момент изменил направление, уткнувшись подбородком в его теплую и мягкую шею. — Мне всё равно. Поцеловал — значит, теперь я твой!

Фэн Цяньсюэ откинул голову, уворачиваясь:

— Не паясничай.

Уловив в его голосе смешинки, Се Жэнь стал еще настойчивее. С нежной лаской он обнял его, прижимая к себе:

— А-Сюэ, ну соглашайся, а? Я буду очень хорошим для тебя, самым лучшим!

Фэн Цяньсюэ погладил его по затылку:

— Но я много чего от тебя скрываю.

— Неважно! Скрывай сколько хочешь. Выслушаю, когда сам захочешь рассказать.

— Тебе разве не любопытно?

— Любопытно, я хочу знать о тебе абсолютно всё, — ответил Се Жэнь. — Но я же не могу заставлять тебя. Если испугаю и ты сбежишь, мне потом даже поплакаться некому будет. — В этом вопросе он сохранял удивительную здравомысленность.

Фэн Цяньсюэ продолжал:

— А если я откажусь, ты так и не отпустишь меня?

— Угу, — отозвался Се Жэнь и сжал объятия еще крепче. — Не отпущу.

Оба только что вымылись и были одеты лишь в тонкие нижние одежды. Легкая ткань не могла скрыть ни тепла тел, ни стука сердец. В ночном городке царила тишина, нарушаемая лишь плеском морских волн да их собственным дыханием. Се Жэнь повернул голову, коснулся губами его пунцовой мочки уха и ласково прижался своим лбом к его лбу. Обстановка стала настолько томительно-нежной, что Фэн Цяньсюэ пришлось слегка отпихнуть его, чтобы вернуть хоть небольшую дистанцию, после чего с невозмутимым видом произнес:

— Хорошо.

И тут же добавил:

— Но отныне ты во всем будешь слушаться меня.

Се Жэнь рассмеялся и разом подхватил его на руки:

— Ладно, во всем буду слушаться тебя!

Фэн Цяньсюэ уперся руками в его плечи. Смоляные волосы рассыпались по плечам словно шелковый поток, и он тоже улыбнулся.

В глубокой ночной тишине они лежали на кровати друг напротив друга. Се Жэнь сжимал его ладонь, прижал ее к губам, поцеловал и спросил:

— А когда я тебе понравился?

Фэн Цяньсюэ спрятал подбородок под одеяло и двумя пальцами зажал ему губы:

— Спи.

— Не спится.

— А я хочу спать.

— Тогда ты спи, а я посмотрю на тебя. — Се Жэнь еще немного подвинулся к нему и с надеждой заглянул в глаза: — Я слышал, в этом городке готовят отличные рыбные пирожки — жарят так, что они получаются нежными и хрустящими. Хочешь попробовать? Я сбегаю с утра и куплю, ладно?

Фэн Цяньсюэ спросил:

— И это, по-твоему, называется «дай мне поспать»?

Се Жэнь изобразил движение, словно запирает рот на замок: мол, понял, молчу.

Однако молчание вовсе не означало покой.

Хотя Фэн Цяньсюэ и закрыл глаза, он все равно прекрасно чувствовал каждое движение рядом. Се Жэнь сначала накрутил на палец несколько прядей его длинных волос, затем немного приподнялся и с упоением стал разглядывать своего прекрасного небожителя: длинные загнутые ресницы, изящный прямой нос, бледные губы и даже маленький кадык. Но едва его взгляд попытался скользнуть ниже, Фэн Цяньсюэ разом натянул одеяло, прижал его к подушке и, наклонившись, поцеловал.

Их губы соприкоснулись на мгновение. Сердце Се Жэня заколотилось как безумное. Смотря на него, он совершенно потерял способность соображать и пробормотал:

— Я тебя... разбудил...?

Фэн Цяньсюэ коснулся пальцем его верхней губы:

— Теперь уснешь?

Се Жэнь замлел и одеревянел:

— Угу.

Фэн Цяньсюэ опустил голову ему на руку:

— В комнате слишком светло.

Се Жэнь взмахом пальца загасил огарок свечи. Сердце всё еще отчаянно колотилось в груди. Лишь спустя долгое время он повернулся, крепко обнял его и прижал губы к волосам, источавшим тонкий цветочный аромат.

Лишь к полудню следующего дня Ли Хуань и Мо Чи сладко потянулись и вышли из своей комнаты. Они хотели было постучать к соседям, но трактирный слуга сказал:

— А те двое молодых господ ушли с самого ранья! Кажется, отправились на восток города за рыбными пирожками.

— Да что хорошего в этих пирожках, вот уж действительно нашли охоту, — зевнул Ли Хуань. — Пошли, тоже глянем.

Едва он произнес эти слова, как в постоялый двор вошел еще один человек. На поясе у него висел деревянный меч, а сам он выглядел внушительно и сурово.

Это был не кто иной, как Му Фэнчунь, прибывший на поиски своего любимого младшего соподвижника.

Ли Хуань и Мо Чи хоть и слышали о прославленном имени Му Фэнчуня, лично с ним знакомы не были и сейчас, разумеется, не узнали его, а лишь приветственно сложили руки, приняв за обычного заклинателя. Му Фэнчунь заметил, что оба юноши ранены, но руки-ноги целы, да и держатся они непринужденно и с улыбкой, из чего заключил, что их поездка прошла относительно благополучно. Поэтому он не стал спешить с дальнейшими поисками, а заказал себе кувшин чая и миску лапши, намереваясь спокойно подождать в главном зале.

<http://bllate.org/book/18374/1766339>